

зидента. В целом можно сказать, что Европейскому сообществу не хватало твердости и настойчивости в выполнении собственных задач по урегулированию отдельных конфликтов.

Говоря о жестких мерах, в том числе военного характера, следует отметить еще более очевидные проблемы. Во-первых, европейские государства вовсе не желали посылать существенные армейские контингенты для урегулирования затяжных конфликтов, опасаясь острой реакции общественности. Во-вторых, окончание «холодной войны» и экономические проблемы в 1990-е гг. заставляли европейские правительства сокращать расходы на оборону. В-третьих, между членами ЕС существовали значительные разногласия по институциональным аспектам такой операции. Как показала практика, ряд государств атлантической ориентации (прежде всего Великобритания) выступал против широкого мандата Западноευропейского союза на проведение такого рода операций. Что же касается привлечения НАТО, то, во-первых, данная организация находилась в поиске новой цели и смысла своего существования в постбиополарном мире, а во-вторых, привлечение американцев лишило бы всякого смысла европейский характер миссии. Действительно, в реальности вооруженное вмешательство европейских государств в кувейтский и боснийский кризисы происходило в рамках многонациональной коалиции (в первом случае) либо НАТО (во втором).

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. Европейское сообщество не смогло продемонстрировать потенциал, достаточный для урегулирования ряда рассмотренных локальных конфликтов. Во время косовского кризиса в 1998—1999 гг. ключевую роль отыгрывал уже Североатлантический альянс. В споре между атлантистами и европейцами была одержана победа первых. Тем не менее, этот югославский кризис, обнажив наиболее слабые места общеевропейской политики безопасности и обороны, одновременно дал и толчок дискуссиям о перспективах ее развития. Заключение соглашения в Сан-Мало между Францией и Великобританией в конце 1998 года открыло дверь к началу институционализации ОПБО.

ВЛИЯНИЕ ОЦЕНОК ОБЕСПЕЧЕННОСТИ РОССИИ УГЛЕВОДОРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ НА ЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ЕС В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Акуленко Р. Л., Белорусский государственный университет

Характерной особенностью сотрудничества Российской Федерации с ЕС в области энергетики в начале XXI в. стало все более заметное воздействие на этот процесс оценка обеспеченности России запасами углеводородного сырья, которые подразумевали определение соотношения между величиной этих природных ресурсов и объемов их использования, в том числе и для экспорта в европейские страны.

Особую обеспокоенность российской стороны вызывали сомнения представителей руководства и экспертных кругов стран — участниц ЕС в способности России обеспечить заявленные поставки углеводородов в Европу на фоне ее серьезной зависимости от поставок российских энергоносителей. Об этом, в частности, с середины 2000-х гг. неоднократно заявляла канцлер ФРГ А. Меркель. Она призывала Россию четко выполнять свои обязательства перед Германией и другими странами — членами ЕС, поддерживая свою репутацию ответственного поставщика энергоресурсов.

Вместе с тем, определенные сомнения относительно возможностей Российской Федерации обеспечить такие поставки высказали эксперты Немецкого института экономических исследований (ДИВ). Они полагали, что энергетический сектор России, который явился основным столпом для стремительного роста ее национальной экономики в начале 2000-х гг., движется к кризису. В связи с этим немецкие исследователи преду-

преждали, что в случае продолжения нынешнего курса на наращивание российских поставок в Европу в перспективе может возникнуть опасность перебоев поставок энергоносителей, в том числе в Западную Европу.

Высокие дотации для их потребителей в самой России, низкая эффективность использования энергии и нехватка инвестиций могли, по мнению немецких экспертов, привести к тому, что в будущем Российская Федерация более не сможет соблюдать обязательства по экспорту. Анализ ДИВ показывал, что инвестиции в энергетический сектор России с 2000 г. почти не выросли, с 2004 г. они просто застыли на месте. Одновременно лишь 10 % иностранных инвестиций шло в этот сектор российской экономики при понижающемся тренде, что объяснялось в том числе и политическими причинами. По оценке эксперта института К. Кемпферта, потребность в инвестициях в энергетический сектор России составит в ближайшие годы примерно 1 трлн евро. Отмечалось также, что значение энергетического сектора для российской экономики за последние годы заметно выросло. Его доля в экспорте составляла 61 %, причем около 70 % нефти и газа поступало в страны — члены ЕС. По оценке ДИВ, при сохранении нынешнего уровня добычи углеводородных ресурсов запасов российской нефти должно хватить на 22 года, а газа — приблизительно на 75 лет. В связи с этим К. Кемпферт полагал, что России нужно пересмотреть долгосрочную структурную политику, иначе она не сможет достигнуть провозглашенных целей по доходам от экспорта и не оправдает ожиданий стран Запада в отношении надежности снабжения их энергоносителями. Предполагалось, что ЗАО «Газпром» попытается возместить свои потери на внутреннем рынке, где ему предписывалось продавать газ по цене значительно ниже мировых, за счет увеличения цен для иностранных клиентов.

Эти оценки, однако, опровергались представителями России, которые указывали на недостаточную информированность западных исследователей относительно реально состояния дел в ее энергетическом секторе. Говорилось о надежности российских компаний как поставщиков и продолжающемся развитии этой отрасли экономики. Председатель комитета Госдумы по энергетике В. Язев, к примеру, подчеркнул, что нельзя выступать с критикой российской энергетики, даже не заглянув в бухгалтерскую отчетность. ЗАО «Газпром», по его утверждению, ежегодно вкладывал более 20 млрд дол. США в добычу газа и транспортную инфраструктуру.

Рассмотренные примеры свидетельствуют, прежде всего, о том, что сама дискуссия о корректной оценке обеспеченности России нефтью и газом в настоящее время в значительной степени политизирована, что, безусловно, может служить определенным препятствием на пути дальнейшего развития сотрудничества этой страны с ЕС в энергетической сфере. На этом фоне даже обоснованные наблюдения западных экспертов по поводу постепенного истощения российских месторождений углеводородов, отсутствия значительных инвестиций, включая иностранные, в необходимую для их добычи инфраструктуру и роста потребления энергоносителей в самой России воспринимаются ее руководством негативно. Они рассматриваются уже в качестве попыток поставить под сомнение роль Российской Федерации как надежного поставщика углеводородных ресурсов в Европу, превращаясь тем самым в предмет ожесточенных политических споров.

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ЦЕНТРЫ РОССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЕС

Бетя А. П., Белорусский государственный университет

Наряду с академическими, правительственными и университетскими центрами по исследованию политики ЕС в России с обретением независимости стали появляться новые аналитические и исследовательские центры — общественные или неправительственные.